

творца возвеличивается, почти обожествляется. «Поэт, — говорит Шелли, — причастен к великому, бесконечному и единому...»¹⁶.

Говоря о поэтах, Шелли имеет в виду не только людей, которые пишут стихи, но и всех тех, кто своей деятельностью выражает нерушимый порядок развития и существования общества. «Однако поэты, то есть те, кто создают и выражают этот нерушимый порядок, являются не только творцами языка, танца и архитектуры, скульптуры и живописи; они — создатели законов, основатели общества, изобретатели религии и наставники, до некоторой степени сближающие с прекрасным и истинным то частичное осознание невидимого мира, которое называется религией»¹⁷.

Здесь, как и везде в высказываниях Шелли, видны и та роль, которую он отводит художнику в обществе, и глубокое социальное понимание вопроса об отношении искусства и действительности, хотя роль поэзии несколько преувеличивается. «Поэзия есть действительно нечто божественное. Это одновременно центр и вся сфера познания; то, что объемлет все науки и чем всякая наука должна проверяться. Это одновременно корень и цветок всех иных видов мышления»¹⁸.

Слова «божественное», «интуитивное», «инстинктивное» очень часты в лексиконе поэта, но они не должны заслонять того, что стоит за ними, и когда Шелли говорит об интуитивном творчестве, в его понимании «интуитивное» вовсе не тождественно «бессознательному», как, например, у Новалиса. Шелли понимал процесс творчества как интуитивный процесс мышления человека, который движим вечным стремлением, вечной жаждой познать свое место во вселенной. Поэтому Поэзия «воссоздает Вселенную, частицу коей мы составляем, одновременно ее воспринимая»¹⁹.

Здесь мы подошли к главному — пониманию Шелли самого процесса творчества. Он выразил свою мысль в сравнении человека с Эоловой арфой. Мысль эта не только утверждает способность глубоко проникнуть во внутренний мир человека, но и дает нам в руки тот «золотой ключик», который помогает открыть дверь в удивительную мастерскую поэзии Шелли.

«Поэзию можно в общем определить как воплощение воображения; поэзия — ровесница человеку. Человек — это инструмент, подверженный действию различных внешних и внутренних сил, подобно тому, как переменчивый ветер играет на Эоловой арфе, извлекая из нее непрестанно меняющуюся мелодию. Однако в человеке, а может быть и во всех существах, способных чувствовать, есть нечто отличное от арфы и рождающее не одну только мелодию, но и гармонию, которая создается посредством внутреннего согласования вызываемых звуков или движений с впечатлениями, которые их вызвали. Так было бы, если бы арфа была способна соизмерять звучание своих струн с движениями того, кто по ним ударяет»²⁰.

В этих словах заключается чуть ли не самая главная особенность лирики Шелли, которая в первую очередь может быть отнесена к пейзажной лирике. Это — единство, гармония между внутренними движениями души и воображения поэта с движениями, изменениями, которые происходят во внешнем мире, мире природы. Это «единство» или «гармония» открывает перед поэтом новые перспективы, создает особое поэтическое мышление — «символический стиль», как определял это мышление французский критик и пантеист Пьер Леру.

В статье Б. Г. Реизова «Виктор Гюго, Пьер Леру и символический стиль» убедительно доказано влияние шеллинговской «философии тождества» на французскую литературу 1810—1820-х годов: «Причины столь широкого распространения и почти абсолютного господства философии

¹⁶ Шелли. Указ. соч., с. 413.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, с. 434.

¹⁹ Там же, с. 432.

²⁰ Там же, с. 411.